

Бельская Т. И.

[ЕЩЕ РАЗ ОБ ОПРЕДЕЛЕНИИ ДИСКУРСА](#)

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/1/2009/8-2/4.html

Статья опубликована в авторской редакции и отражает точку зрения автора(ов) по рассматриваемому вопросу.

Источник

[Альманах современной науки и образования](#)

Тамбов: Грамота, 2009. № 8 (27): в 2-х ч. Ч. II. С. 20-23. ISSN 1993-5552.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/1.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/1/2009/8-2/

[© Издательство "Грамота"](#)

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: almanac@gramota.net

читателю новые представления о Жуковском-переводчике, его классических, а не романтических принципах перевода и заявил о значительном вкладе поэта в русскую переводческую мысль XIX века.

Список использованной литературы

1. **Cooper David.** Vasilii Zhukovsky as a translator and the protean Russian nation // *The Russian review*. 2007. Vol. 66. № 22.
2. **Hewton Ainslie.** A comparison of Sir Walter Scott's «The eve of St. John» and Zhukovsky's translation of the ballad // *New Zealand Slavonic journal*. 1973. Vol. 11.
3. **Jensen K. B.** Meaning and intention in a poem: an analysis of V. A. Zhukovsky's «19 marta 1823» // *Scando-Slavica*. 1981. Vol. 27.
4. **Johnson D.** The comparison in the poetry of Batyushkov and Zhukovsky: dissertation. University of Michigan, 1973.
5. **Johnson D.** The simile in Batiushkov and Zhukovsky // *Russian literature triquarterly*. 1973. Vol. 7.
6. **Pribic R.** The translator and adaptor of German literature: Vasilij Andreevic Zukovskij // *Festschrift fur Wolfgang Gese-mann*. Munchen, 1986. Bd. 2.
7. **Pursglove Michael.** Does Russian gothic verse exist? The case of Vasilii Zhukovskii // *The gothic-fantastic in nine-teenth-century Russian literature: studies in Slavic literature and poetics* / ed. by Neil Cornwell. Amsterdam and Atlanta: Rodopi, 1999. Vol. XXXIII.
8. **Ryan William Francis and Wigzell Faith.** Gullible girls and dreadful dreams: Zhukovskii, Pushkin and popular divina-tion // *Slavic and Eastern European review*. 1992. Vol. 70.
9. **Sandler Stephanie.** The law, the body and the book: three poems of the death of Pushkin // *Canadian-American Slavic studies*. 1989. Vol. 23. № 3.
10. **Sendrovich Savelii.** Zhukovsky's world of fleeting visions // *Ruskaia literatura*. 1985. Vol. 12.
11. **Terras Victor.** Freedom through suffering: Vasilii Zhukovskii and his ahasuerus // *Freedom and responsibility in Russian literature: essays in honor of Robert Louis Jackson* / ed. Allen E. Ch. and Morson G. S. Yale, 1995.
12. **Watchel Michael.** The Cambridge introduction to Russian poetry. Cambridge, 2004.

ЕЩЕ РАЗ ОБ ОПРЕДЕЛЕНИИ ДИСКУРСА

Бельская Т. И.

Московский государственный лингвистический университет

Возникновение понятия «дискурс» относится к середине XX века. Становление дискурсивного анализа как научной дисциплины французской лингвистической школы связывают с выходом в 1969 году специального номера журнала «Languages», озаглавленного как «L'analyse du discours». Первоначально исследователи делали акцент на анализе письменных монологических политических текстов характера. Идеологический подход к анализу характеризует работы М. Пеше, в которых прослеживается представление о том, что это явление детерминировано идеологией. При этом субъект высказывания растворяется и в то же время происходит его становление в зависимости от идеологии социума, к которому он принадлежит.

Позднее появляются работы по устному и диалогическому типам этого понятия. Они принимают во внимание прагматический подход к анализу взаимодействия собеседников [Костюшкина, 2005, с. 219].

Начало использования термина в отечественной лингвистике относится к 70-тым годам, когда «дискурс» стал употребляться в значении близком к функциональному стилю. Причина их отождествления состояла в особенностях функциональных школ, а не в предмете исследования. Большую роль в его становлении сыграла книга П. Серию «Анализ политического дискурса».

В отличие от начального этапа исследования данного объекта, когда основной целью лингвистов было выявление его отличий от текста, в настоящее время интерес исследователей смещается в сторону описания специфики различных его видов и исследования их системно-структурных, когнитивных и прагматических свойств. Это стало возможным в связи с осознанием лингвистами того факта, что на уровне дискурса также имеется строгая организация, индуцированная определенными системообразующими категориями и свойствами.

В современной лингвистической науке наметились две основные позиции в понимании природы этого явления. Согласно первой, объект исследования представляет собой комплексную взаимосвязь нескольких текстов, функционирующих в пределах одной и той же коммуникативной сферы, что определяет наличие специальных дискурсов, функционирующих в отдельных сферах человеческого познания и коммуникации. В этом случае можно говорить о сосуществовании в рамках единого в лингвистическом понимании языка разных социальных языков, т.е. дискурсов [Бухарова, 2006, с. 96]. При этом их содержание раскрывается интертекстуально, т.е. в комплексном взаимодействии тематически соотношенных текстов. В рамках этой трактовки данный феномен реализуется через функциональные характеристики, основанные на различии коммуникативных сфер, и предстает как явление процессуальное, деятельностное. Это широкое понимание термина.

Современные последователи подобного определения обращают внимание на многообразие форм проявления дискурса или его типов: устный и письменный, разговорный, научный, художественный и другие. Они различаются характером взаимодействия участников коммуникативного события: языковой личности, смыслообразования и средств его вербализации [Алефиренко, 2006, с. 8].

В соответствии со второй позицией под данным термином понимают «конкретное коммуникативное со-

бытие, осуществляемое в определенном когнитивно и типологически обусловленном коммуникативном пространстве, имеющее вероятностную природу и характеризующееся зачастую отсутствием четких границ» [Гурочкина, 1999, с. 13]. При этом подходе это понятие определяется более узко.

Независимо от принятия широкого или узкого понимания данного вопроса, исследователей объединяет представление о его особом месте в коммуникации. «Дискурс представляет собой явление промежуточного порядка между речью, общением, языковым поведением, с одной стороны, и фиксируемым текстом, остающимся «в сухом остатке» общения, с другой стороны» [Карасик, 2004, с. 231]. В связи с этим его изучение является междисциплинарным и представляет собой объект изучения многих наук: лингвистики, паралингвистики, психолингвистики, социолингвистики, психологии, социологии, политологии, логики, философии, социальной семиотики, этнографии, литературоведения, стилистики, прикладной лингвистики.

Лингвофилософия понимает под дискурсом конкретизацию речи в различных модусах человеческого существования, что ведет за собой выделение делового и игрового регистров. Если первый помогает человеку ориентироваться в реальном мире, то второй освобождает его от детерминизма природы и подразумевает творческую деятельность по порождению или восприятию художественного текста. Лингвофилософский подход обуславливает противопоставление личностно-ориентированного и стаусно-ориентированного дискурса [Там же].

Лингвистика речи рассматривает это понятие как процесс живого вербализуемого общения, который характеризуется множеством отклонений от канонической письменной речи и изучается в многообразии его структурных и жанровых характеристик.

В рамках социолингвистики под данным термином понимают общение людей и при этом делают акцент на их принадлежности к той или иной социальной группе или типичной речеведческой ситуации. Из этой модели следует, что дискурс конституирует общество и в свою очередь конституируется им, т.е. социокультурные феномены (речь, общение, языковое поведение, текст) находятся в отношении диалектического взаимодействия. Результатом такого подхода является выделение институциональных видов [Там же, с. 233]. В зависимости от количества типизируемых личностей и соответствующих обстоятельств выделяют соответствующее число типов дискурса.

Социокультурное наполнение термина обуславливает когнитивный и антропологический аспекты рассмотрения, поэтому понятие дискурса помещается в основание новой парадигмы лингвистического знания: когнитивно-дискурсивной. При этом использование когнитивного подхода позволяет перейти от описания единиц и структуры явления к моделированию структуры сознания участников коммуникации, которое осуществляется через анализ фреймов и концептов, метафорических моделей и стереотипов сознания. В этом случае исследование концептов всегда проводится в диахронии, т.е. с привлечением исторических фактов [Трошина, 2004, с. 118].

Прагмалингвистический подход к изучению данного феномена раскрывает способ общения в широком смысле.

Однако результатом междисциплинарного рассмотрения этого понятия становится нечеткость постановки проблем и методов анализа, что, на наш взгляд, является недостатком.

Многоаспектность термина послужила причиной множественности его определений и сравнительно быстрой эволюции в концепциях внутри одного и того же научного направления.

Анализ литературы, посвященной этой проблеме, показывает, что границы понятия меняются в зависимости от позиции исследователя. В современной науке под дискурсом понимают «речь, рассматриваемую как целенаправленное социальное действие, как компонент, участвующий во взаимодействии людей и механизмах их сознания (когнитивных процессах)», «творимый в речи связный текст» «речевое произведение, которое рассматривается во всей полноте своего выражения (вербального и невербального)», «процесс и результат языковой деятельности (фундаментальное направление)», способ передачи информации, а не средство ее накопления и умножения [Дымарский, 1998, с. 19], «центральную интегративную единицу речевой деятельности, находящую отражение в своем информационном следе - устном / письменном тексте» [Прохоров, 2004, с. 25], «завершенное коммуникативное событие, заключающееся в взаимодействии участников коммуникации посредством вербальных текстов и / или других знаковых комплексов в определенной ситуации и в определенных социокультурных условиях общения», коммуникативно целостное и завершенное речевое произведение [Комарова, 2005, с. 110], целостное речевое действие в многообразии его когнитивно-коммуникативных функций, объективно существующее вербально-знаковое построение, которое сопровождается процессом социально-значимого взаимодействия людей [Седов, 2004, с. 7], «интерактивный способ речевого взаимодействия, в противовес тексту» [Там же], целостную совокупность функционально-организованных, контекстуализованных единиц употребления языка [Макаров, 1998, с. 67], «практику текстопостроения, процесс создания, развертывания текста во времени и пространстве», «речевую структуру, представляющую собой процесс опосредованного авторской интенцией и авторскими внетекстовыми структурами синтагматического развертывания языковой парадигматики, которая осуществляется в соответствии с нормами фонетики, морфологии, семантики, синтаксиса и других корреляций и одновременно стремится к их нарушению» [Миловидов, 2000, с. 23], «процесс живого вербализуемого общения, которое характеризуется множеством отклонений от канонической письменной речи (лингвистика речи)» [Лазовская, 2007, с. 6], процедуру осмысления текста в акте художественной коммуникации, когда текст становится объектом чте-

ния определенный тип ментальности, «не только высказывание как процесс, рассматриваемый в его интерактивном аспекте как объект изучения в теориях высказывания и прагматики, но и система условий, детерминирующих порождение бесконечного количества высказываний, исходя из определенной социальной и идеологической позиции, а также эквивалент текста - письменного высказывания, фиксирующего исторические, социальные, интеллектуальные правила» [Костюшкина, 2005, с. 216], вербализованное работающее сознание, сложное коммуникативное явление, включающее наряду с текстом внеязыковые факторы, которые влияют на его производство и восприятие [Дейк ван, 1994, с. 170].

Таким образом, в качестве дискурса могут рассматриваться: речь, текст как речевое произведение, а также система коммуникации и тип ментальности. Всех исследователей объединяет указание на взаимодействие лингвистических и экстралингвистических факторов. Последние включают участников коммуникации, ситуацию общения и хронотоп (время и пространство). При этом, наиболее распространенной является трактовка этого термина как текста, в событийном аспекте, погруженного в социокультурный контекст, т.е. в реальную жизнь. В рамках этого понимания данное явление предстает как особая форма существования языка, способ выражения ментальности народа: «упорядоченное и систематизированное особым образом использование языка, за которым стоит особая - социально-, идеологически-, культурно-, исторически обусловленная реальность». [Степанов, 1995, с. 8] Связь с конкретными жизненными обстоятельствами порождения текста делает возможным изучение дискурса только на материале живых языков.

Одним из наиболее полных определений данного понятия, по мнению Ю. С. Степанова, выступает дефиниция Демьянкова. С этой точки зрения дискурс предстает в качестве произвольного фрагмента текста, по объему превышающего одно предложение и часто концентрирующегося вокруг некоторого опорного концепта. Он создает «общий контекст, описывающий действующие лица, объекты, обстоятельства, времена, поступки и т.п., определяясь не столько последовательностью предложений, сколько тем общим для создающего дискурс и его интерпретатора миром, который «строится» по ходу развертывания дискурса» [Там же].

Из определения следуют основные дискурсивные признаки: формальный, функциональный и ситуативный. Первый подразумевает понимание объекта исследования как сверхфразового единства или текста, т.е. единицы превосходящей по размеру предложение. Согласно второму признаку дискурс выступает как «целостная совокупность функционально организованных, контекстуализованных единиц употребления языка». [Комарова, 2005, с. 101]. Ситуативный признак предполагает учет социальных, психологических и культурных условий общения.

Дискурсивными элементами являются излагаемые события, их участники, перформативная информация и «не-события» (обстоятельства, сопровождающие события, фон, поясняющий события, оценка участников событий, информация, соотносящая дискурс с событиями), а его исходная структура представляет собой последовательность элементарных оппозиций, связанных между собой логическими отношениями конъюнкции, дизъюнкции и т.п. [Степанов, 1995, с. 8].

Таким образом, образуя своеобразное семантическое единство, этот феномен предстает как лингвокультурологическое образование. Эта характеристика связана с языковым сознанием и обуславливает выбор языковых средств. Следовательно, в нем одновременно реализуются разнообразные аспекты языка и языкового мышления. Данное взаимодействие, а также связь с социокультурными факторами позволяет разграничивать национальные дискурсы [Бухарова, 2006, с. 96], актуализация каждого из которых происходит с опорой на «коммуникативные практики», т.е. комплекс когнитивного и процедурального знания [Гурочкина, 1999, с. 14].

Всякое высказывание может быть представлено и как действие, и как результат действия. В связи с этим, объект нашего исследования может рассматриваться в двух планах: динамическом и статическом.

Его динамическое (операционное) представление выражается в процессе его развертывания. В этом случае дискурс - это «речевые действия, линейно следующие друг за другом и образующие языковые выражения разных уровней: от слова до фразы и группы фраз» [Борботько, 2006, с. 88]. При этом в фокусе внимания лингвиста оказывается сценарная организация текста, которая определяет последовательность речевых действий и позволяет говорящему и реципиенту ориентироваться и полноправно участвовать в конкретном дискурсе вне зависимости от условий коммуникации. При таком рассмотрении основную роль играют системообразующие категории диалогичности и интерактивности, проявляющиеся в реализации определенных коммуникативных стратегий и тактик.

В статическом (реляционном) аспекте это явление рассматривается как единое целое, «конечная совокупность высказываний, объединенная общим отношением порядка как предшествования / следования» [Там же]. Такой взгляд на проблему находит свое выражение в выявлении типичных для данного речевого жанра концептов и семантических оппозиций, обуславливающих специфику содержания и пространственную организацию соответствующих типов текста.

В обоих случаях можно выделить структурные элементы разной степени сложности и разные по своим функциям. Если в статике мы говорим об отношении между компонентами, то в динамике - об их соотношении или о преобразовании, которые осуществляются говорящим. В динамике речь идет об операторе, который связывает речевые сегменты, в статике - о реляторе, который в основном представлен предикатом или союзом. Оба плана тесно слиты в сознании при восприятии дискурса.

В силу многообразия трактовок и подходов к анализу дискурса, некоторые исследователи отказываются от употребления этого понятия, ссылаясь на то, что оно смешивает понятия мышления, языка, речи, коммуникации и текста как языковой единицы. Следовательно, данный термин считается неудачным по нескольким основаниям. Во-первых, из-за того, что в неявном виде опирается на предположение о погруженности языка в жизнь (если признавать, что язык существует на уровнях мышления, собственно языка, речи и коммуникации, то станет понятным, что уровень коммуникации соотносится с жизнью языка; коммуникация является действительностью языка, его актуальным бытием). Во-вторых, поскольку неявно предполагает возможность существования языка отдельно от человека. В-третьих, делает русскую лингвистическую мысль размытой и неточной [Пузырев, 2006, с. 24].

Для того чтобы избежать многозначности и неточности термина, ряд исследователей выделяют два понятия: «дискурс» как самостоятельное произведение и «тип дискурса» как обобщенное представление о тексте, что соотносится с понятиями традиционной лингвистики «жанр» и «стиль» соответственно. Однако в отличие от стиля дискурс представляет собой прототип ситуации общения или высказывания. На основе этого В. И. Карасик предлагает новое понятие - «формат дискурса» как его разновидность, выделяемая на основе коммуникативной дистанции, степени самовыражения говорящего, сложившихся институтов, регистра общения и клишированных языковых средств. Формат конкретизируется жанрами речи, которые выделяются на индуктивной основе. Таким образом, дискурс обеспечивает подход к речи как к социальному явлению.

Список использованной литературы

1. **Алефиренко Н. Ф.** Текст и дискурс в фокусе языковой личности // Языковая личность-текст-дискурс: теоретические и прикладные аспекты: материалы Международной научной конференции 3-5 октября 2006 г. Самара: Изд. «Самарский университет», 2006. Ч. 1.
2. **Андрогинность дискурса:** материалы рабочего совещания. М.: Макс-Пресс, 2000. 32 с.
3. **Борботько В. Г.** Принципы формирования дискурса: от психолингвистики к психосинергетике. М.: КомКнига, 2006. 228 с.
4. **Бухарова Г. Х.** Текст в когнитивно-дискурсивной парадигме описания языка // Слово, высказывание, текст: сборник научных статей к 60-летию М. А. Алексенко. М.: Азбуковник, 2007.
5. **Ван Дейк Т.** Принципы критического анализ дискурса // Перевод и лингвистика текста: сборник статей / отв. ред. И. И. Урбин. М., 1994.
6. **Гурочкина А. Г.** Понятие дискурса в современном языкознании // Номинация и дискурс: межвузовский сборник научных трудов. Рязань, 1999.
7. **Дымарский М. Я.** Текст-дискурс-художественный текст // Текст как объект многоаспектного исследования: сборник статей научно-методического семинара «ТЕХТУС» / под ред. К. Э. Штайн. СПб.-Ставрополь, 1998. Вып. 3. Ч. 1.
8. **Карасик В. И.** Языковой круг: концепт, личность, дискурс: монография. М.: Гнозис; Языки русской культуры, 2004. 390 с.
9. **Квадратура смысла: французская школа анализа дискурса.** М.: Прогресс, 1999. 416 с.
10. **Комарова Ю. А.** Понятие дискурса в современной лингвистической науке // Коммуникативная лингвистика вчера, сегодня, завтра: сборник материалов Международной научной конференции / под ред. Р. С. Сакиевой. Армавир: АЛУ, 2005.
11. **Костюшкина Г. М.** Современные направления во французской лингвистике. Иркутск: БГУЭП, 2005. 328 с.
12. **Лазовская Н. В.** Языковая игра в рекламном дискурсе (на мат. русскоязычной и англоязычной рекламы): автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Саратов, 2007. 22 с.
13. **Миловидов В. А.** От семиотики текста к семиотике дискурса: пособие по спецкурсу. Тверь: Тверской государственный университет, 2000. 98 с.
14. **Прохоров Ю. Е.** Действительность. Текст. Дискурс: учебное пособие. М.: Флинта; Наука, 2004. 224 с.
15. **Седов К. Ф.** Дискурс и личность: эволюция коммуникативной компетенции. М.: Лабиринт, 2004. 320 с.
16. **Серио П.** Анализ дискурса в французской школе (дискурс и интердискурс) // Семиотика: антология / сост. Ю. С. Степанов. М., 2001.
17. **Степанов Ю. С.** Изменчивый «образ языка» в науке XX века // Язык и наука конца 20 века: сборник статей. М.: Российский государственный гуманитарный университет, 1995.
18. **Трошина Н. Н.** Социокультурные параметры дискурса // Социоллингвистика вчера и сегодня: сборник обзоров. М., 2004.
19. **Чудинов А. П.** Политический нарратив и политический дискурс // Языковые подсистемы: сборник научных трудов. Тверь: Тверской государственный университет, 2005.

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ПРЕПОДАВАНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА В СОВРЕМЕННОЙ ШКОЛЕ

Бойцова И. В.

Нижегородский государственный педагогический университет

Методы образуют основу учения, которое называется методологией. Она стремится упорядочить, систематизировать методы, установить пригодность их применения в различных областях, ответить на вопрос о том, какого рода условия, средства и действия являются необходимыми и достаточными, чтобы реализовать определенные научные цели и, в конечном счете, получить новое объективно-истинное и обоснованное знание.